

**НИЧЕГО
КРОМЕ НАДЕЖДЫ**

роман

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

В начале октября 1943 года командование Степного фронта предприняло спешную перегруппировку войск, стягивая в районе Переволочная – Верхнеднепровск мощный ударный кулак для прорыва на Криворожье.

Войска передвигались скрытно. По всей двухсоткилометровой полосе фронта между Черкассами и Днепродзержинском рокадные дороги левобережья, кое-где еще просматривающиеся немецкими наблюдателями с правого берега, днем оставались почти безлюдными, движение по ним не превышало того, что обычно можно увидеть в прифронтовой полосе в период затишья. Но с наступлением темноты местность оживала: массы людей, техники и обозов, переждав день в какой-нибудь рощице или балке, снова заполняли разбитые грейдеры и проселки, устремляясь к юго-востоку – в район сосредоточения.

441-й мотострелковый полк, вместе с другими частями 5-й гвардейской армии снятый накануне вечером с Кременчугского плацдарма, к рассвету добрался до небольшого села в нескольких километрах выше устья Ворсклы. Не дожидаясь, пока подоспеют кашевары со своим хозяйством, солдаты позавтракали сухим пайком и завалились спать где кто смог пристроиться – в машинах и под машинами, в хатах, если еще находилось где свободное место, в клунях, в давно пустых катухах, откуда за два года оккупации успел выветриться домовитый запах скотины.

Капитан Дежнев, командир 2-го батальона, проснулся около полудня. Большинство офицеров, разместившихся вместе с ним, еще спали, только адъютант Лукин с полковым начхимом Богатыренко играли в шахматы, сидя на немецких снарядных ящиках.

– Как там погода, гроссмейстеры? – спросил Дежнев, зевнув.

– Летная, к сожалению, – рассеянно отозвался адъютант. – Шахец вам, Петро Степаныч. Ворон изволите ловить, а шахматы, между прочим, игра умственная.

– Побачимо, побачимо, – пробасил усатый немолодой начхим. – А вот так не хочешь?

– М-да, – после недолгого молчания отозвался Лукин огорченно. – Скользкий вы человек, Петро Степаныч, с вами играть – все равно что голыми руками намыленного ужака ловить...

Они опять замолчали. Из-под шинели в углу высунулась взъерошенная голова ротного Ковалева, огляделась непонимающими глазами и снова спряталась.

В осторожно приоткрытую дверь заглянул немолодой солдат с унылым лицом – Федюничев, ординарец комбата, всегда безошибочно, каким-то шестым чувством угадывал, что начальство уже проснулось. Перехватив взгляд капитана, Федюничев раскрыл дверь пошире и вошел на цыпочках, неся курящийся паром котелок и завернутые в вафельное полотенце бритвенные принадлежности.

– Чем недовольны сегодня, Федюничев? – поинтересовался комбат, ответив на хмурое приветствие ординарца.

– А чему радоваться, товарищ гвардии капитан. Нас как с того берега сняли, ребята думали, может, на отдых отводят, а что получается? В леске вон танков видимо-невидимо, тоже ночью подошли. Говорят, с-под самого Харькова гнали.

– На вас, Федюничев, не угодишь. Не будь танков, вы бы ворчали, почему их нет. Никогда не случалось идти в атаку без танковой поддержки?

– Мне, товарищ гвардии капитан, все случалось.

– Вот и мне тоже, – сказал комбат, стягивая гимнастерку. – Поэтому я лучше себя чувствую, когда танки рядом. А если хотите сказать, что вообще предпочли бы не ходить в атаки, то тут я вас понимаю. Мне самому это не очень-то по душе. Знаете, кем надо быть, чтобы находиться в этом удовольствии?

– Фашистом, товарищ гвардии капитан, – подумав, ответил ординарец.

– Верно, Федюничев. Все-таки образ мыслей у вас правильный, хотя и мрачный.

– Разрешите идти?

– Пожалуйста. Помыться найдется чем?

– Принесу, тут до берега полкилометра не будет.

– Смотрите, чтоб с той стороны не подстерegli.

– Никак нет, ребята ходили – говорят, там вроде тоже наши.

Федюничев разложил все принесенное на подоконнике и вышел. Подсев к окну на снарядный ящик, Дежнев заправил в бритву новое золингеновское лезвие, задумчиво потер подбородок. Под пальцами шуршало. Хорошо блондинам – тому же Лукину, бреется через день – и все равно ничего не видно...

– А что, адъютант, – спросил он, – танки действительно из-под Харькова?

– Чего? А, танки... Да, из-под Харькова, из-под Полтавы. Седьмой мехкорпус. И еще, кажется, Восемнадцатый танковый, генерала Труфанова.

– Это что ж, фронтовой резерв пошел?

– Похоже на это.

– То-то Федюничев мой затосковал, – Дежнев усмехнулся, взбивая мыльную пену в алюминиевом стаканчике. – Он наступление мозолями чувствует, как старуха – ненастье.

– Твой ординарец похож на того солдата, которого Петр Первый приказал выгнать из Преображенского полка «за вид, приводящий весь строй в уныние». Ваш ход, Степаныч.

– Шах, юноша, – объявил начхим. – А заодно и мат, извиняюсь за выражение. Ото, как говорится, не лезь поперек батьки в пекло.

– Пойдите, пойдите...

– Я и посидеть могу. Да мат, мат, ну чего смотришь?

– Ладно, ваша взяла, – Лукин притворно зевнул, демонстрируя умение проигрывать с достоинством, и смешал фигуры. – Ну что, еще одну до обеда засадим?

– Нет, пойду, – Богатыренко посмотрел на часы и поднялся. – Данилыч, у тебя в батальоне как с противогАЗами? Ты скажи ротным, нехай следят. А то ведь сам проверю, хуже будет.

– А нечего и проверять, – сказал Дежнев невнятно, скобля бритвой щеку. – Будто сами не знаете, что солдаты в противогАЗных сумках носят.

– То-то, что знаю, – вздохнул начхим. – А не дай Бог что случится?

– Не дай Бог, – согласился Дежнев. – Только на него и надежда.

– Через активированный уголь самогонку хорошо очищать, – мечтательно заметил Лукин. – Почему так, Петро Семеныч?

– Уголек сивушные масла абсорбирует. Еще марганцовка годится, – подумав, добавил начхим. – Она после в осадок выпадет, через ватку можно отфильтровать. Ну ладно, хлопцы, бувайте.

Начали подниматься и другие. Вылез из-под шинели Ковалев – посидел, позевал, потом вдруг, проснувшись окончательно, вскочил, разделся до пояса и побежал на улицу – делать зарядку. Выбравшись до младенческой гладкости, Дежнев сполоснул и разобрал бритву и тоже вышел из хаты, в солнечную, пахнущую палым листом прохладу погожего осеннего дня. Федюничев уже ждал его с ведром ледяной даже на вид воды.

– Рысью, что ли, бежали? – спросил комбат, удивленный прытью обычно нерасторопного ординарца.

– Никак нет, товарищ гвардии капитан, тут рядом разжился – у артиллеристов. Они аккурат привезли для кухни, так я и подгадал...

– Хитрец вы, Федюничев. Ну, давайте, – скомандовал капитан и нагнулся, затаив дыхание. – У-у-у, ч-черт!! Хлоднее не было? Лейте, чтоб вам пусто было!

– Сами же любите, чтоб пробрало...

– Не до оп-п-пупения же, – отозвался Дежнев сдавленным голосом и заикаясь, так свело челюсти. – У! А! Хорош-ш-шо, Федюничев, зд-д-дорово...

– Привет вам от старшего лейтенанта Игнатьева, – сообщил ординарец, когда комбат кончил мыться и, стуча зубами, принялся растирать спину полотенцем.

– Он что, тоже здесь?

– Я ж говорю, водой вот у них на кухне разжился.

– Нелогично отвечаете, Федюничев. Я уяснил, что воду вы свистнули у артиллеристов... кстати, и ведро тоже? Но из этого совершенно не следует, что вы побывали именно в батарее Игнатьева.

– В ей самой, где ж еще, зря вы сомневаетесь, товарищ гвардии капитан, – твердо ответил ординарец таким тоном, будто ему было обидно высказанное ком-

батом предположение, что он мог побывать в другой батарее.

– Да, Федюничев, с вами не соскучишься. Что он еще говорил?

– Сказал, что зайдет, хотел вас повидать.

– Ладно, сам к нему схожу. Где они разместились, вы сказали?

– А вон туда, к балочке, там ихние пушки увидите, замаскированные...

Дежнев был рад весточке об Игнатьеве, хотя и подумал с огорчением, что теперь-то уж точно – накрылся отдых; присутствие иптаповцев подтверждает его догадку о предстоящих тяжелых боях. На плацдарме все ждали – сменят, мол, отведут в тыл хоть ненадолго. А тут такая петрушка получается. Он понимал, что ему, как боевому офицеру, положено скорее радоваться тому, что готовится очередная наступательная операция: она наверняка окажется успешной, после Курска неудачных не было, хотя дерется немец крепко (видно, и в самом деле что-то в войне переломилось, и теперь странно вспомнить, что еще год назад и мечтать не могли ни о каких наступлениях, главным было удержаться в обороне, выстоять, не пустить дальше). Положено было радоваться, поскольку каждый новый удар по противнику приближал мирную жизнь, да и была у капитана Дежнева еще одна, уже личная, причина для бодрого боевого настроения: удар через Днепр, судя по всему, намечался в направлении его, Дежнева, родных мест, а это означало теоретическую возможность побывать в Энске.

Еще год назад! А в сорок первом? Его первый бой был в Белоруссии – командование предприняло попытку контрудара; на рассвете их бросили через речушку со странным местным названием – Збруч, Птичь, что-то в этом роде, – и даже танки поддерживали, но ничего не вышло, к полудню немец так их шибанул обратно, что едва ноги унесли. Так вот тогда, это ему особенно запомнилось, утром – когда только высадились с плотов и пошли вперед – такой был порыв, такой восторг от одного сознания, что наконец-то вперед, а не назад; и ему – вопреки географической очевидности – представлялось, что там, впереди, за невидимыми еще немецкими позициями, ждут их не припятские болота, а ковыльная днепровская степь, курганы и за ними – Энск с Татарской балкой, с прудами